

Буйный

Автор:

[Дана Стар](#)

Буйный

Дана Стар

Четыре года за решеткой. Боль. Ненависть. Страдания.

И долгожданный побег! Сбежав из тюрьмы, я укрылся в богом забытой глуши – в деревне, в расшатанной, убитой жизнью лачужке, что принадлежала одинокой деревенской девушке. Её били. Над ней издевались. Но теперь всё будет иначе.

Бык вырывается из загона... Берегитесь.

В книге присутствует нецензурная брань!

Дана Стар

Буйный

Пролог

Она стояла в шаге от меня с тесаком в руке и дрожала, как напуганный до полусмерти беспомощный зайчонок. Рванный халат уродливыми хлопьями свисал с истощенного тельца малышки, а на носу выступила свежая кровь. Кажется, её даже не смущало, что на ней, кроме рванины, больше ничего нет. Лишь голенькая грудь с искусенно торчавшими сосками и нежная киска, покрытая

ордой мурашек.

Ох*еть!

В штанах мгновенно стало тесно. А поскольку воровать чужое белье было как-то стремновато, то член было не обуздать. Встал как кол. На всю свою нехилую длину. Твёрдый, налившийся горячей кровью и спермой, готовый в любую секунду лопнуть от грёбанного недержания.

Бля. Как не вовремя.

- Ты ножичек то это... убери, - старался помягче базарить. Но девчушка была настроена весьма воинственно. - Не то... ручки поломаю.

Зря я это прыснул. Идиот.

Ну и кто ты после этого? Не лучше тех сраных утырков. Один из них даже обоссался, когда задом вылетел в окно, а мордой - в коровью лепёшку.

- Не двигайся! Не подходи! Или пожалеешь!

Зашипела она с угрозой в голосе, а сама дрожала, как будто ей за шиворот сыпнули бочонок льда. И нож в её бледненьких ручках лихо подпрыгивал, в то время как на густых ресницах мерцали крупные бисерины слёз.

- И что же ты сделаешь, красавица? Я уже заценил твои перлы. Не будь меня рядом, они...

Лучше заткнись!

Сама виновата. Я к ней по-доброму, кулаки замарал о чужое дерьмо, а она выпендриваться вздумала! Огрызком тут своим размахивает. Хоть бы спасибо сказала, что не дал двум прыщавым мудозвонам оттрахать соплячку до сквозных дыр.

- Ты кто такой? И как оказался в моём доме?! - взгляд исподлобья, трясётся как в лихорадке, но все равно этим своим взглядом изумрудных глаз бросает мне,

сучка, вызов.

– Никто. И звать меня никак. А вопросы тут буду задавать я. Усекла? – лениво зевнул и поднялся с пола, соблюдая железное спокойствие.

Как вдруг...

Девчонка совсем чокнулась! Она, сделав неуклюжий выпад вперёд, попыталась пырнуть меня в грудь сверкающим обрубком.

Дрянь такая!

Её убогие манёвры воспринимались мною как в замедленном действии.

Опыт в драках приличный. Реакция молниеносная.

Одной рукой перехватил дуреху за затылок, а другой – заломил хрупкую, изувеченную жуткими гематомами ручонку за спину так, что девчушка жалобно взвизгнула, благодаря чему мой лютый пыл моментально усмирился. Затем я ловко выхватил из маленького кулачка лезвие, вжал девку ягодицами в свой пах и острым концом тесака коснулся хрупкой шейки обездвиженной жертвы.

– Только пикни или дёрнись. И ты труп. Глотку рассеку – моргнуть не успеешь.

Девчонка будто не дышала. Напряглась. Замерла.

Считанные секунды... И она безжизненным мешком просто осела на пол.

Прекрасно. Отлично, мужик!

Напугал худышку до очередного обморока.

Еле-еле успел убрать нож подальше, иначе бы задел, не дай бог, во время непредвиденного падения. Я успел подхватить её на руки буквально за секунду до удара головой о гребанный край табуретки. Прижал к торсу и подофигел от адского, чтоб его, дискомфорта в паху, когда девчонка впечаталась сосками в

мою стальную грудь, а её умопомрачительная щелочка напоролась на мой каменный стояк.

И я кончил.

Прямо в штаны.

От такой хреновой х*еты.

От одного, мать его, случайного прикосновения.

Глава 1

Блеклые лучи солнца быстро-быстро мелькали над сеткой из высоких тенистых деревьев. Кривых таких, до жути уродливых. Как в фильме ужасов. Того и гляди, чертовщина какая на голову свалиться и в пекло утащит – глазом не успеешь моргнуть. А спустя пару минут лучи и вовсе исчезли в непроходимой сосновой роще, тянувшейся на тысячу километров вдаль, без конца и края.

Дело близилось к вечеру. Лес начал стремительно погружаться во тьму.

Холодало. Одежда была насквозь в говне. Жрать и спать охота. Да еще и огнестрел, сука, болит до одури! Сколько я уже в бегах? Вроде бы двое суток. Или... трое?

Кажется, я начинаю бредить и теряться в реальности.

Неудивительно. Без еды, воды, теплой одежды, да со сквозной дырищей в брюхе такими темпами бегать осталось недолго. Нужно срочно найти ночлежку. Перекантоваться там денёк-другой. В противном случае все усилия, чтобы обрести долгожданную свободу, можно смело отправить в одно глубокое место.

– Ау-у-у-у-у!

Твою ж мать!

Позади, примерно в пяти минутах ходьбы от меня, раздался протяжный, устрашающий вой.

Проклятье!

Я нервно выругался сквозь стиснутые зубы и ускорил бег, стараясь дышать носом и не наступать на грёбанные сучья, чтобы избежать лишнего шума, а также возможности быть обнаруженным и, как итог, пойманным. Или, того хуже, насмерть застреленным при попытке нарушить закон.

Проваливаясь в болотную грязь по колёно, лицом натываясь на острые, режущие кожу ветки, я бежал по этому клятому лесу уже больше суток. Без передышки.

Откуда столько сил? Откуда мотивация?

Да все легко и просто! За спиной свистят шальные пули, а у задницы клацают острые, как бритва, зубья бешеных ментовских псов.

Кругом – дремучие таёжные заросли и непроходимые болота, в которых я был вынужден прятаться от конвоиров, что бросились по моим следам, поставив на уши чуть ли не всю армию родины-матушки.

И как я так ловко дал деру?

Пришлось знатно попотеть!

Соблазнил медсестричку на зоне, та душу продала за регулярный перепихон. Долго мы мутили. Не только потрахушки, но и план побега.

Короче, разработали целую Санта-Барбару, чтоб её.

И всё же я это сделал. Удрал! На волюшку смылся, мать её!!!

Не верю. Ах-ха-ха! До сих пор, млять, не верю!

Пробежав ещё треть километра, чтобы перевести дух и отдышаться, на пару секунд я прислонился спиной к дереву. Закрыв глаза. Со свистом выдохнул, схватившись рукой за левый бок, который истекал кровью, пульсировал и горел адской, нечеловеческой болью. До темноты в глазах. До дрожи в конечностях и холодного липкого пота.

Падла! Бочина! Бочина-то как болит! Грёбанные ушлёпки!

Тачку медсестрички остановили у КПП, и один из постовых пальнул мне в спину, когда я понял, что лафа не удалась. Они полезли открывать багажник, а оттуда я, млять, выскочил, бешеный и озверелый, как натасканный бык, и поздоровался кулаком с харей мудаков, после чего в лес рванул. Но один мудачелло все же пальнул напосошок. В спину.

Благо, хоть навывлет прошла.

Ещё и псины увязались.

Одну сволочь замочил. С дерева прыгнул и камнем... Приглушил.

Люблю животных, особенно собак. Была у меня в детстве точь-в-точь такая же овчарка. Жаль дворнягу. Она ведь свой долг выполняла, отлавливая таких вот мудозвонов вроде меня.

Прости, пёсик. Правда. Прости, друг.

Я жить хочу. На волю хочу!

Если поймают, башку снесут без разговоров. Пулю в упор. В голову.

Бросил камень в болото. Руки в крови. Вытер о штаны и снова побежал.

Сутки шарахался по лесу, заметал следы, прятался то на деревьях, то в болоте, пока не утопил там свои ботинки. Как-то киношку видел, где зек один точно так же учудил, чтобы менты приняли беглеца за утопленника. Авось прокатит!

И я попробовал. А сам в болотных кустах спрятался и раза три чуть было не провалился на это смердячее дно и не пошёл в расход на корм жабам.

- Ну что скажете?! За*бался я уже гоняться за этой мразью. Может, он и вправду подох? Утопился? Глянь! Лорд что-то нашёл.

Укрывшись в кустах, я видел, как ментовский пёс вытащил мой сапог из трясины. Чтобы псина не учуяла запах, я измазался в медвежьем дерьме.

- Сапог. Всё ясно.

- Ладно, сваливаем. Видать, и вправду захлебнулся, сукин сын!

- Вот теперь понятно, почему целая бригада вторые сутки подряд рыскает под каждой кочкой, да никак не сыщет гниду.

- Тут самое место падали.

- Ага. В своей стихии.

- Я бы, честно, не прочь был из него всю говноту выбить. Затрахал меня. Мразота та ещё. Пристрелил бы. В башку. Чтобы мозги по земле размазались. Бесит, тварь.

- Говорят, бывший чемпион подпольных боёв.

- Ага, пизд*т тот, кто говорит. Мы ему каждый день с парнями хлебало чистили, воспитывали, так сказать. Ни хера он не чемпион. А дерьмо собачье.

Выродки заржали, а их смех начал стремительно отдаляться.

Помянув беглеца «добрым словом», хуи в погонах закрыли дело о побеге и отправились обратно в застенки. Я сжал кулаки, сцепил зубы до хруста, чтобы не сорваться и не проломить им черепа за словесную грязь и ложь, в которой они меня топили. А за издевательства в карцере - яйца бы каждому оторвал и в глотку затолкал, чтобы жрали и давились.

Никогда! И никто из них, включая других заключённых, за четыре с половиной года каторги так и не поставил меня на колени.

Слишком опасен. Крайне беспощаден. До пены на зубах агрессивен.

Часто срывался и месил в тюрюге своих ненавистников до кровавого поноса и рваных ран по всему телу.

Говорил же себе!

Буйный. Не буянь! Придержи внутреннего быка.

Но нет же. Слишком горд и слишком взвинчен.

Горячая кровь, трудное детство, четыре года строгача сделали своё дело.

И я такой, какой есть сейчас.

То бишь... Конченный психопат.

* * *

День в пути. Как же жрать охота! Ещё и рана, сцука, жжёт невероятно.

Воспаление, не иначе. Пару дней – и мне кранты.

Но, слава обстоятельствам, пережив двое суток изнурительного похода в никуда, в конце концов я вышел на некую проселочную дорогу, что привела меня в неизвестное, богом забытое село.

Кругом нищета, грязь, смердит коровьим дерьмом... Атас, одним словом.

Но грех жаловаться. От меня, между прочим, смердит не лучше. И на этом спасибо, что отыскал хоть какую-никакую, но цивилизацию.

Время близилось к вечеру. Подкравшись к окраине деревни, я присмотрел одну-единёхонькую и кривёхонькую избёнку, что зазывно расположилась у самой границы лесополосы.

Отличное решение! Может, хоть пожрать да освежиться получится, ибо моя нынешняя одежда насквозь пропитана вонючей тиной, а ноги сверкают голыми пятками.

Потрахаться, кстати, тоже бы не помешало.

Этого я, кстати, желал не меньше, чем корочку свежего хлеба.

Затаившись в кустах, я решил устроить предварительную слежку, заодно и оценить обстановку в доме. Не прошло и часа, как оттуда высунулась симпатичная мордашка светловолосой девчушки.

Вот те на.

Ну, привет, красотка!

Вот, значит, кто в теремочке живёт? Молоденькая такая, худышка. Лет двадцати, не больше. В стареньком халате, с косынкой на голове. Тащит грабли, которые раза в три больше её самой.

И от этой увлекательной картинки я вдруг почувствовал, как член в штанах требовательно дёрнулся и за долю секунды налился свинцом.

Ещё бы!

Голодный, зараза.

За четыре года воздержания разве что собственный кулак имел и жирноватую медсестричку с огромной дыркой, в которой можно было пропасть без вести, затеряться или провалиться в другое измерение.

Красивая. Молоденькая. Незнакомая. Сама невинность.

Яйца в труселях настолько дико зазудели, требуя немедленной разрядки, что на некоторый миг я даже забыл о жуткой рези в боку от огнестрела.

Ну трындец!

А в башке тем временем вспыхнули грязные мыслишки! Как я швыряю девчушку на сеновал и по самое «до упора» имею. В этой ее косыночке, в платице как у настоящей деревенской простушки. Наматываю золотисто-пшеничные косы на кулак и засаживаю в миниатюрную попку до темноты в глазах, судорог в пятках и её голосистых девичьих охов.

Очуметь, я спятил. Идиот.

М-да уж. Вконец, видать, чокнулся от знатного спермотоксикоза.

Девочка потопала в сторону поля, а я напрягся, готовясь действовать.

Первым делом необходимо было пробраться в дом, найти что-нибудь пожрать и переодеться. А то мой помойный запах привлекает внимание. Даже пролетающие рядом мухи дохнут. Насекомые, по крайней мере, уж точно. Комары больше не кусали, когда я фекалиях вывалялся просто ради того, чтобы выжить.

Оглянувшись по сторонам и убедившись в том, что никого рядом нет, метнулся к избе. Думал, через окно карабкаться придётся или вскрывать замок. Но дверь оказалась не заперта. Неудивительно.

Когда я вошёл внутрь, сердце неприятно кольнуло. Внутри избёнка выглядела ещё ущербней, чем снаружи. Хозяева халупы, вероятно, мазохисты.

Как можно, спрашивается, существовать в подобной нищете? Интерьерчик хуже, чем в карцере строго режима.

Порылся в шкафчиках. Нашёл бочонок молока, полбуханки чёрствого хлеба. Весь есть не стал – совесть не позволила. Залпом умял половину белого, запил молоком.

Кайф!

Кажется, я только что получил ментальный оргазм!

На столе нашёл пару яблок.

Сладкие... Видать, домашние.

Голод полностью утолить не удалось, но желудок всё же сказал спасибо – перестал урчать и болеть.

* * *

В доме было несколько комнат. В том числе имелась некая комнатка с огромным ржавым тазом. Походу, ванная. А из покрывшегося плесенью потолка торчал кусок шланга.

Понятно. Там, на крыше, скапливалась дождевая вода и через якобы душ попадала внутрь.

Помимо кухни, в халабуде имелось ещё две комнаты. Типа спальни. В обеих – ржавые, полуживые кровати, застеленные пожелтевшими и залатанными простынями.

Врагу не пожелаешь жить в таких условиях.

Интересно, а та девчонка одна здесь всем заправляет?

Покопался в комодке, отыскал там кое-какие вещи. Хорошо, хоть мужские. Спортивные штаны и футболка.

Вот и ответ на вопрос! С мужиком златовласка живёт. Правда, сейчас в избёнке я находился совершенно один. По делам, видать, хозяева отлучились.

Одёжка оказалась маловатой. Пришлось чуток разорвать в плечах. С моими-то габаритами всегда было сложно шопиться. Обычно шмотьё шилось на заказ.

К счастью, на нарах я не сильно сдулся. Лизочка – медсестричка наша (та самая, что вытащила меня из тюрьмы) – раз в неделю вкалывала мне гормон роста под видом инсулина, благодаря чему я по-прежнему держал исключительную форму и с виду напоминал жилистого быка. Точь-в-точь такого же, как на татуировке, что набил себе на груди, ещё будучи подростком. Когда встретил своих... названных братьев. За что и получил кличку – Буйный.

* * *

Кое-как освежившись в якобы ванной, я наспех переоделся, а старое шмотье утрамбовал в ведро для мусора. Надо бы сжечь тельняшку-то тюремную или закопать от греха подальше. Не то спалиться – раз плюнуть.

Уже было собирался покинуть лачужку, как вдруг инстинктивно дёрнулся и напрягся, услышав торопливый топот и жалобные девичьи всхлипы снаружи сарая.

Руки в кулаки. Принял боевую стойку и, затаив дыхание, спрятался за облезлой дверью банной, готовясь всыпать люлей первому вошедшему недругу.

Зашибись, приплыли.

Этого ещё не хватало!

Гости у нас, кажется.

Твою ж мать!

* * *

Задыхаясь и рыдая навзрыд, она пулей влетела в дом, со всей мочи хлопнув дверью. Щелчок замка, её судорожный вздох, что набатом ударил по моим ушам, на короткий миг оживили окружающее пространство.

Всё было бы ничего, если бы подворье дома также не заполнили и другие голоса. Хриплые такие, зловещие, принадлежавшие двум мужчинам.

- Стоять, сука! – зарычал один недоробок.

- Открыва-а-ай! Или дверь вышибем! – подхватил другой.

- Уходите! Оставьте меня в покое! – забившись в угол между прихожей и кухней, девчонка обхватила своё дрожащее тельце тощими ручонками и тихонько тонула в слезах, но при этом пыталась отвечать твердо и уверенно, без единого намёка на страх. – Я дедушку позову! Он ружьё купил!

В ответ на угрозы раздался басистый хохот.

- Да дед твой уже сдох, поди, на поле, пока картоху сажил.

- Пизд*т она, Рыжий! Я лично видел, как его в пятницу на скорой увезли.

- Ну и отлично. Значит, никто нам не помешает...

- Открывай, шлюха! Все знают, что ты шлюха! Дешёвка и давалка! Деньги гони! Давай, бля!!! Не беси! Иначе... Знаешь, что будет.

Писец.

Влип я, походу.

Кулаками чую – нехорошее дело назревает. Вон как костяшки чешутся, хоть кожу ногтями сдирай. Можете считать меня экстрасенсом, но правда, когда такое происходит, это означает лишь одно – очень скоро кому-то придётся начистить репу.

Супер!

Разборок мне, бл*ть, чужих для полного счастья не хватало!

А так хотелось прийти и уйти по-тихому из этого, чур его, села.

– Нет у меня денег! Ну правда... нет, – закрыла ладошками рот, подавляя в душе истошные вопли отчаяния. – Всё отдала. До копеечки.

– Тогда отработывай! Открывай и отсоси! Зачтется тебе.

Снова черед мерзких смешков.

А потом грохот.

Как будто нечто звонкое с силой разбилось о пол. Стекло, например.

Сквозь дверную щель в ванной я увидел фигуру, стоявшую ко мне спиной в черной спортивке, и девчонку эту, светловолосую, что от ужаса, казалось, прилипла к той грёбанной стене и с ней же намертво срослась.

Незнакомка всё так же немощно сидела на полу и беззвучно рыдала, закрыв рот ладошками. Тряслась вся. Аж подбрасывало бедолажку в воздухе. Огромными, широко распахнутыми глазами она смотрела на того мудака, что всё-таки забрался в дом через окно и, оскалившись, как голодный шакал, уверенно крался в сторону своей жертвы.

Она смотрела на недоноска с такой щемящей болью и невообразимым ужасом, как будто видела перед собой саму смерть. А мне вдруг стало так... так больно и тошно, что хотелось выдрать из груди собственное сердце, лишь бы унять эти необъяснимые ощущения в области рёбер, когда я смотрел на хрупкую, но такую отважную малышку, понимая, что она обречена и у нее нет ни шанса спастись.

– Ну здравствуй, Алечка. Чё гостей прогоняешь? А! Не воспитано так-то. Не по-братски. Придётся учить манерам. Иди сюда, сучка!

Проклятье!

Валить надо было. А я кайфовал да намывался здесь, как у себя дома.

Теперь-то что?! Застукают – придётся всех порешить.

Я ведь не убийца... но жизнь в заточении, в настоящем пекле, взяла своё.

Не хочу снова на зону.

Уж лучше в болоте утону!

– Кисель, открывай! Я тоже трахаться хочу! – недовольно отозвался дружок-недоробок снаружи хаты, продолжая херачить входную дверь кулаками.

– А что, через окно слабо?

Их было двое. Два деревенских недоделанных гопника. Я таких обычно назвал просто и лаконично – ошибки природы. Второй, психанув, тоже ворвался в избенку через окно. Когда тот первый отвлёкся, девчонка вытащила из кухонного шкафчика нож и, выставив прибор вперед, защищаясь, с угрозой зашипела:

– Отвалите от меня! Вон пошли!!!

– Ах-ха-ха! Глянь-ка! Картина маслом прям. Брось каку, иначе сам порежу. Такое красивое личико... Ты ж не хочешь проблем, детка? Не хочешь уродливых шрамов на своей милой моське?

Она закричала ещё громче, обливаясь ручьями слёз, но один из гандонов сильным замахом руки ударил её по лицу. А второй, когда девчонка упала, зарядил ей ботинком в живот.

Твари!

Не вмешиваться! Только не вмешиваться!

Дыши! Дыши! Дыши-и-и, Макс! Чтоб тебя!

Не смотри! Не лезь! Не делай ерунды!

Буйный! Только спокойно, только спокойно!

Не позволяй внутреннему быку вырваться из загона.

Не твоё это дело. Не лезь на рожон! Нельзя палиться.

- На стол стерву клади, да ноги пошире раздвинь. Сейчас повеселимся!

Девчонка что-то мычала, пыталась извиваться, сопротивляться. Её лицо полностью тонуло в крови... Нос разбит. А некогда чистое платье разукрасилось насыщенно-красными кляксами.

Ублюдки ржали, укладывая девчонку на шатающуюся столешницу. Тот, что был повыше, держал её за руки, а второй прямо на ней зверски рвал платье.

- Нет, значит, бабок? А?! Тогда дыркой отработывай. Правила знаешь. Не первый раз ведь предупреждали! Хочешь жить на нашей земле - плати. Не хочешь...

- Не живи! - перебил первого товарищ.

Девчонка находилась в полудрёме и закашливалась, глотая хлещущую из носа кровь.

Сил бороться с внутренними принципами «за» и «против» больше не было.

Это пиздец!!!

- Ноги ей разведи, бл*ть! И за руками следи. Чтобы в рожу не вцепилась.

- Лучше сразу поломать. Для профилактики.

Расхохотались, долбо*бы.

Один - прыщавый брюнет, второй - дрыщавый конопатый хер, который, спустив штаны, вытащил наружу свой уродский, обросший рыжеватой волосней обрубок, и навис над малышкой, что практически лишилась чувств, захлебнувшись в собственной крови.

Быстрым движением руки рыжий задрот сорвал с незнакомки трусики, широко развёл маленькие ножки в сторону, поставив их ступнями на край стола, и

приготовился впихнуть своё убожество в аккуратную и такую маленькую щелочку.

Я не смог больше смотреть на эту херь.

Впервые в жизни я испытал нечто такое, от чего мою эгоистичную душонку в буквальном смысле разодрало на куски.

Внезапно девчонка резво дернулась и закричала. Каким-то необъяснимым образом она вырвалась из цепкой хватки прыщавого и с яростью полоснула ногтями конопатого по лицу.

– Бляха! Тварюка! Сказал же, держи, а не дрочи!!!

На роже рыжего отчётливо проявились глубокие царапины. Зарывав от боли, кретин схватил малышку за волосы и с яростью ударил головой о стол.

Это была последняя грань моего железного терпения.

Это была конечная точка невозврата.

Да простят меня небеса за мои грехи!

Глава 2

Выскочил из укрытия, как ебучий ураган! И со всей своей долбанной агрессией заехал сначала одному выродку природы по роже, затем другому. Они даже пикнуть не успели. В глазах ушлепков полыхнул вселенский страх. Кажется, кто-то из недоносков сходу наделал в штаны – в воздухе «заблагоухало» нечистотами. Аж слёзы на глаза навернулись.

Метелил их чёткими, профессиональными ударами по печени, по морде, по обвисшему от страха члену и снова по печени. Глушил пидоров в порядке очереди, как любимую боксёрскую грушу. Сначала рыжего, потом прыщавого,

рыжего и прыщавого... Щедро раздавал апперкоты направо и налево. Легкотня. Ушатать этих дохликов даже легче, чем у ребёнка малого конфету отжать.

Мрази летали у меня по комнате, как резиновые отскакивая от одного угла к другому. Только и слышал их ссыкливый мат, и то, с каким приятным звоном сыпались их зубы, ударяясь и отскакивая от пола. Обожаю эту мелодию! Даже название придумал композиции – «Ода выбитых зубов».

Вот уроды! Не ожидали такого сюрприза!

Видели бы они свои морды в момент, когда я, зверея, снёс дверь банной и вылетел к ним навстречу с крепко сжатыми кулаками. В подобные моменты, в моменты опасности или предстоящего боя на ринге, когда адреналин плавит вены, когда пульс бьётся с частотой десять ударов в секунду, я напрочь лишаюсь рассудка. Мною управляет животная агрессия. Человечность на время подавляется. Я действую не разумом, а телом. Точнее – кулаками и ногами. Но мой коронный финт в боях – удары головой. Именно поэтому ребята-беспризорники, с которыми я полжизни провёл на улице, и прозвали меня быком.

Максим Быков. Даже фамилия соответствовала прозвищу.

Ребята говорили так: «Ты тот, кто наносит удары врагу рогами и копытами. Тот, кто топчет противников насмерть без капли жалости, будто они какое-то мерзкое и ничтожное насекомое».

Но не только из-за этого меня нарекли Буйным. В первую очередь потому, что я заводился с пол-оборота, стоило только обидчикам или противникам махнуть перед моим носом красной тряпкой. И я долго остывал, а в качестве тряпки могли выступить как слова, так и поступки. Как, например, сейчас.

Сделав из рож этих днищ паштет, вышвырнул мразот в то самое окно, через которое они влезли на чужую собственность. Только жопами вперёд.

Выбесили сучары!

Девчонку жалко...

Маленькая такая. И вся в кровище.

А я придурок. Эгоистичный. Нужно было раньше вмешаться. Ещё до того, как конопатый ублюдок нанёс бедняжке первый удар.

* * *

Отряхнул руки друг о друга и пулей бросился к девочке, что лежала распятая на столе, в порванной одежде, замаранной кровью, без сознания.

Мать моя женщина!

Как же так...

Твари шизанутые!

Так сильно отделали, что, кажется, еле дышит худышка.

Прощупал пульс. Есть. Но слабый!

Быстро подхватил девушку на руки и понёс в комнату.

Нужно срочно остановить кровь, обработать раны и согреть бедолажку!

Девочка сама, как из хрусталя литая. Худенькая такая, маленькая. Если взять меня и её, то она, скорей всего, даже в прыжке до башки моей не допрыгнет.

Ну точно как Дюймовочка. Я ее одной рукой легко держал, когда нёс из кухни в спальню, ни капли не напрягаясь.

На кровать положил, а сам к комоду метнулся, потому что вспомнил, что в одном из ящиков видел бинт и перекись. Лёд бы к голове приложить, да нет у них в доме холодильника. Каменный век на дворе, блин. Одолев не один десяток километров грёбанного леса, я словно очутился в ином измерении, отсталом таком, оторванном от цивилизации. Где, кроме облезлых изб и чеканутых питекантропов (я о тех пустоголовых уебонах, что пытались поймать хрупкую

беззащитную девушку), ничего другого не имелось.

Упал перед ней на колени и дрожащими руками начал вытирать уже засохшую кровь на лице. Девчонка не моргала. Но дышала. Грудь девушки едва заметно поднималась и опускалась в такт вдохам и выдохам. А я залип, когда её аккуратные сочные мандаринки увидел. Обнажённые. С торчащими сосками, оттенка нежного персика. И, к слову, мгновенно протрезвел. Успокоился. Ибо лютое бешенство сменилось дичайшим возбуждением. За секунду до этого мои руки тряслись от злости, а сейчас начали трястись от жажды секса.

Не удержался всё-таки. Ладонь на её сисечку шмякнул. Сжал сосок между пальцами с такой алчностью, что в паху прострелило.

Нет, бычара ты неугомонный! Нельзя сейчас.

Тронешь её - станешь ничуть не лучше тех звезданутых мудозвонов.

Личико малышки досуха вытер и скривился. На скуле, на шее, даже на маленьком ушке уже начали проявляться уродливые синяки. Маленький курносый носик тоже припух. Осторожно прощупав припухлость, я гневно выmaterился сквозь сжатые челюсти, мысленно огласив вердикт пострадавшей: «Синяка не избежать, но с переломом вроде пронесло».

Ещё раз хорошенько осмотрел незнакомку. Какая же она всё-таки милая.

Кукольное личико, обрамленное веснушками, золотисто-волнистые волосы, заплетенные в две пышные косы, которые сейчас, к сожалению, превратились в два небрежных колтуна, и эти пухленькие, бледно-розовые губки, что зазывно приоткрылись в бесчувственном сне и пробуждали в моей башке самые грязные фантазии.

О том, что я хотел сделать с её хорошеньким ротиком, лучше промолчу.

Это ж каким нужно быть тупорылым отродьем, чтобы осмелиться поднять руку на такого безобидного ангела?

Подумал об этом и вновь ощутил, как внутренний бык начал просыпаться где-то в районе груди, выть, фырчать и со всей дури гатить копытами по недрам души.

Если честно, думал, что порешаю уродов. На куски разорву. Но, видимо, мысль о том, что девочке нужна была срочная помощь, утихомирила внутреннее зверье.

Бык разбушевался не на шутку. Ух, как же сложно было его обуздать. Меня выбить из колеи – как пальцем щёлкнуть. Сложнее потом усмирить. Закипаю всегда, что музыку слушаю. А вот остываю... Тут уж как получится.

В тюрьме, во время потасовок, меня обычно шокерами усмиряли. Только таким жестоким способом удавалось загнать рогатого беса в загон.

С тех пор как сел в тюрьму после неудачного ограбления банка, я стал сам себя бояться. Неконтролируемые вспышки агрессии усилились. У меня и до зоны были проблемы с самоконтролем гнева. Наверное, именно поэтому мои предки в десять лет сдали меня в детдом, а сами свалили за границу. Тюрьма лишь усугубила недостатки моего характера. За четыре с половиной года я изменился до неузнаваемости. И вряд ли эти изменения коснулись моей лучшей стороны.

* * *

Укрыл Дюймовочку одеялом. Устало выдохнул. Сам в этот момент сидел на коленях на полу напротив её кровати и зачарованно пялился на эту спящую красавицу, каждую минуту считая пульс незнакомки, проверяя дыхание и температуру тела. Кожа девушки на ощупь напоминала кусок льда. Это меня насторожило.

Укутал её тремя одеялами, но руку со щупленького запястья так и не стал убирать. Боялся, что она... просто перестанет дышать. И никогда больше не откроет глаза. А всё потому, что я, эгоцентричный тюфяк, вовремя не вмешался. Ибо в тот момент думал лишь о своей жопе. О том, что, если меня обнаружат, свидетелей придётся под берёзкой прикопать. В том числе... и девчонку.

Где-то в груди, да и в башке тоже случился ядерный взрыв! Рассудок переключилось. Нет, тупо замкнуло. Мозг вырубился. Проснулся бык. И я до сих пор не могу понять почему. На кой хер она мне сдалась? Знать её не знал и не

собирался знакомиться. Но что-то внутри решило иначе.

* * *

Смотрел на девчонку уже битый час, наверное. Ручонки её крохотные усердно отогревал своими лаптями, ножки мял и растирал, до испарины на лбу, пока не понял, что окончательно выдохся из сил, и не вырубился. Прямо там, на облезлом полу убогонькой избёнки, напротив её кровати, как дворняга какая. Преданная, млять, до последнего вздоха собака.

Ох, и намаялся я с этой Асей.

Асей? А, нет же! Один из мразот сказал, что девчушку зовут Аля.

Если ей не полегчает, я, бл*ть, вернусь обратно на болота и утоплюсь нах*й.

Встряла, чтоб её, в самое сердце заноза. Если честно, девчушка-то отважная. Сражалась и билась до последнего крика, благодаря чему вызвала уважение в моих глазах.

Сам не понял, как так получилось, но я вырубился. Как младенец. Неудивительно! Двое суток на ногах. Даже больше. Так знатно отключился, будто сдох на веки вечные, что даже позабыл, что я вовсе не у бабули в деревне на отдыхе тусуюсь. А «в гостях» у заложницы.

Часа два проспал. И ещё бы столько же с удовольствием подрых, если бы не услышал внезапный скрип половиц. Резко подорвался на месте и рефлекторно принял боевую стойку, выставив вперёд сбитые до мяса костяшки в сторону источника шума.

Мать вашу!

Она стояла в шаге от меня с тесаком в руке и дрожала, как напуганный до полусмерти беспомощный зайчонок. Рваный халат уродливыми хлопьями свисал с истощенного тельца малышки, а на носу выступила свежая кровь. Кажется, её даже не смущало, что на ней, кроме рванины, больше ничего нет. Лишь голенькая грудь с искусственно торчавшими сосками и нежная киска, покрытая

ордой мурашек.

Ох*еть!

В штанах мгновенно стало тесно. А поскольку воровать чужое белье было как-то стремновато, то член было не обуздать. Встал как кол. На всю свою нехилую длину. Твёрдый, налившийся горячей кровью и спермой, готовый в любую секунду лопнуть от грёбанного недержания.

Бля. Как не вовремя.

– Ты ножичек то это... убери, – старался помягче базарить. Но девчушка была настроена весьма воинственно. – Не то... ручки поломаю.

Зря я это прыснул. Идиот.

Ну и кто ты после этого? Не лучше тех сраных утырков. Один из них даже обоссался, когда задом вылетел в окно, а мордой – в коровью лепёшку.

– Не двигайся! Не подходи! Или пожалеешь!

Зашипела она с угрозой в голосе, а сама дрожала, как будто ей за шиворот сыпнули бочонок льда. И нож в её бледненьких ручках лихо подпрыгивал, в то время как на густых ресницах мерцали крупные бисерины слёз.

– И что же ты сделаешь, красавица? Я уже заценил твои перлы. Не будь меня рядом, они...

Лучше заткнись!

Сама виновата. Я к ней по-доброму, кулаки замарал о чужое дерьмо, а она выпендриваться вздумала! Огрызком тут своим размахивает. Хоть бы спасибо сказала, что не дал двум прыщавым мудозвонам оттрахать соплячку до сквозных дыр.

– Ты кто такой? И как оказался в моём доме?! – взгляд исподлобья, трясётся как в лихорадке, но все равно этим своим взглядом изумрудных глаз бросает мне,

сучка, вызов.

– Никто. И звать меня никак. А вопросы тут буду задавать я. Усекла? – лениво зевнул и поднялся с пола, соблюдая железное спокойствие.

Как вдруг...

Девчонка совсем чокнулась! Она, сделав неуклюжий выпад вперёд, попыталась пырнуть меня в грудь сверкающим обрубком.

Дрянь такая!

Её убогие манёвры воспринимались мною как в замедленном действии.

Опыт в драках приличный. Реакция молниеносная.

Одной рукой перехватил дуреху за затылок, а другой – заломил хрупкую, изувеченную жуткими гематомами ручонку за спину так, что девчушка жалобно взвизгнула, благодаря чему мой лютый пыл моментально усмирился. Затем я ловко выхватил из маленького кулачка лезвие, вжал девку ягодицами в свой пах и острым концом тесака коснулся хрупкой шейки обездвиженной жертвы.

– Только пикни или дёрнись. И ты труп. Глотку рассеку – моргнуть не успеешь.

Девчонка будто не дышала. Напряглась. Замерла.

Считанные секунды... И она безжизненным мешком просто осела на пол.

Прекрасно. Отлично, мужик!

Напугал худышку до очередного обморока.

Еле-еле успел убрать нож подальше, иначе бы задел, не дай бог, во время непредвиденного падения. Я успел подхватить её на руки буквально за секунду до удара головой о гребанный край табуретки. Прижал к торсу и подофигел от адского, чтоб его, дискомфорта в паху, когда девчонка впечаталась сосками в

мою стальную грудь, а её умопомрачительная щелочка напоролась на мой каменный стояк.

И я кончил.

Прямо в штаны.

От такой хреновой х*еты.

От одного, мать его, случайного прикосновения.

* * *

В этот раз мне пришлось привязать неугомонную к кровати. От греха подальше. А вдруг что снова нехорошее придумает? Сама едва на ногах стоит, но смелости у нас дохрена!

Покопавшись в пожранном термитами шкафу, отыскал кое-какие чистые тряпки. Видеть наготу девчонки было невыносимо. Капец, еле-еле сдерживался, чтобы не чпокнуть златовласку. Я не маньяк, бляха, но от длительного воздержания не на шутку начал сатанеть. За четыре с половиной года то и делал, что гонял в собственную ладонь. Иногда ещё, правда, Лизочку натягивал. Но это такое. Восторга от потрахушек с медсестрой особо не получал. Страшная бабёнка, ну вылитая болотная кикимора. Но коли в штанах жмёт, будешь рад тому, что, как говорится, бог пожертвовал.

Осторожно, стараясь не причинить боли свежим ссадинам, я упаковал бесчувственное тело худышки в чистый халат. Волосы со щеки убрал, тыльной стороной ладони медленно провёл по скуле к вискам, проверяя, есть ли у Алевтины жар.

Спал вроде.

Хули мне надо?

Какого черта я тут с ней нянькаюсь?

Мне всего лишь нужно было найти новые тряпки, пожрать чего и свалить потихому, иначе кранты. Но она, бл*ть, меня заметила! И что теперь делать?

Интуиция ведь твердила: «Не ввязывайся». Но, блин, я, как конченный Робин Гуд, полез квасить морды уродам. Да за кого? За деревенскую шлюшку. Так её называли те утырки.

Хотя... девочка не была похожа на шлюху. Сама невинность. Платье ниже колен, косынка и две косы, что тяжёлой копной лежали на хрупких плечах.

Ну точно Дюймовочка. Жаль ее. Кабздец как жаль. А кожа сплошь разукрашена жуткими отметинами. Часть только начинает проявляться, а часть – уже пожелтела. Видать, малышке часто достаётся.

Если честно, не мое это дело. Мне свою шкуру надо спасать. Валить к черту!

Но что-то не даёт так просто слинять. К ней тянет. Невидимыми нитями привязывает. И совесть жрет. И ненависть воркует. Потому что жаль бедолажку. Она ведь такая крошечная, такая несчастная. Живет в полном говне, домом сложно назвать эту рухлядь, да ещё и от местной гопоты получает. Не удивлюсь, если ещё и с папаней-алкашом под одной крышей выживает.

А чё? Классика жанра!

Как быть?

Ну нет.

Не могу вот так вот бросить, тем более если видела, тем более если я не привык оставлять свидетелей.

Кстати, о свидетелях!

Надо бы кое с кем разобраться. От слизняков не мешало бы избавиться.

На улице как раз стемнело. А ушлепки так и валялись в кустах, истекая кровью. Проверил путы на руках у Али, а также для надёжности заклеил ей

рот пластырем, чтобы не верещала. Пришлось. Далее, порывшись в кладовке, среди всякого прочего хлама, откопал там лопату и спешно ретировался на улицу.

Но лопата не понадобилась. Я решил пустить гадов на корм жабам. Погрузил их отфаршированные туши в тачонку и покатыл в лес.

Черт. Вот так вот из-за бабы и становишься кровожадным палачом. Я ведь загремел на зону за кражи. Но выхода нет. Если не избавлюсь от свидетелей – не выживу.

Утырки в погонах страсть как мечтают выпотрошить мои мозги. Сами же болтали. Ещё там, возле болот. Списать смерть на попытку побега – раз плюнуть. Сколько ребят таким образом полегло – не счесть. Гандоны тупо срывали свою внутреннюю неполноценность на узниках. Жестоко так. В упор расстреливали или избивали до смерти всей толпой.

А ещё нас, зеков, называли палачами. А о том, что творится в тюрьмах на самом деле, никто и никогда не узнает. Там ведь сидят и нормальные парни, а также те, кто отрабатывает вину за какого-нибудь напыщенного мажорика, папочкиного сыночка, которого либо подставили, либо заплатили бабла, лишь бы «доброволец» взял вину на себя.

Таких уникамов там полным-полно. Люди жертвуют своей свободой во имя клятых бумажек. А также... во имя семьи.

Знаю одного такого чела. Сына хотел спасти... Сел за якобы убийство ребёнка, которого один шизанутый олигарх, наглотавшись наркоты, сбил насмерть.

Не прошло и года, как добровольца не стало. Надзирателям чем-то помешал.

Наверное, тем, что отказался долбиться в жопу со своим сокамерником, когда те снимали их на видео, чтобы продать порносайту. Вот и расстреляли за попытку побега.

Обычная схема.

* * *

У медсестрички, что пыталась вывезти меня из зоны, я кошелёчек спиздил, но деньги слегка замарались в болоте. Пришлось сушить. Там всего пару тыщ. Но сейчас каждая копейка на счету. Эх, были времена, когда я жил как буржуй.

Бабла – немеряно. Мы с братьями то там, то сям хрустящие заколачивали.

Вечерами – в Подземелье махали кулаками, а днем – приторговывали протеином и арендовали тренажёрный зал, где за кругленькую сумму натаскивали молодняк до физического совершенства. Но! Больше всего выручки, конечно же, имели с грабежей. Да, я не святоша. Мудак тот ещё. Но не все наши стыренные бабки спускались на крутые тачки и синтол. Мы сиротам помогали. И тяжелобольным детям.

Когда с выблюдками было покончено, я в дом вернулся. Прикемарил в соседней комнате, а с рассветом решил немного прогуляться – местность разведать. Перед прогулкой проверил девчонку – спит. Пульс умеренный, дыхание ровное. Развязывать не стал. Через часок-другой, как вернусь, поворкуем по душам да расставим все точки над «і». А разговорчик у нас будет весьма серьёзный. Надеюсь, к тому времени дикарка оклемается.

Глава 3

Утро выдалось распрекрасным: солнечным, нежарким, свежим таким и бодрящим. С ума сойти! Я ведь первый раз за четыре с половиной года чистого воздуха нюхнул. Без браслетов... на запястьях. Не верится даже! Я свободен! И могу делать то, что захочу. Идти туда, куда пожелаю. Сожрать то, что раздобуду. Упитаться в хлам, с кем попало и где попало.

Набросил на голову капюшон, перемахнул через старенький расшатанный забор во дворике и, спрятав сбитые в кровь кулаки, пошёл по дороге в сторону полей.

Ветровку, кстати, тоже у Алевтины позаимствовал. А мужик-то, хозяин вещичек, не появляется в хате. И, надеюсь, не появится. Вспомнил вдруг, как во время

потасовки девочка нечто про своего деда кричала, якобы пыталась им недоробков запугать.

Так, значит, эти вещи принадлежат родственнику Али?

Кажется, ублюдки что-то такое кричали, мол, дедка её на скорой увезли? Может, поэтому домишко Али до сих пор пустует без мужской защиты?

* * *

Прошёл вдоль села в поисках магазина иль работёнки какой. Бабок мало, а жрать охота. Хавчик у худышки отбирать задарма – это как-то не по-мужски. Хоть я и бандюк, но совесть не позволяет.

Шастал, шастал вдоль деревни, да ничего годного не увидел. Зря я вообще в сторону полей поёрся. Надо было направо свернуть. Нет же, ошибся с выбором пути и к полям вышел. Шурую по сухой траве, в зубах пожёвываю колосок. Солнце начинает припекать. Хочется пить и есть. Так нестерпимо, что хоть волком вой от тоски. Как вдруг вижу – девахи какие-то на поле тусуются.

Троица незнакомых пышек. Плуг, что ль, толкают, да все никак не могут сдвинуть с места. Застрял, кажись. Умаялись бедолажки.

«Вот и нашлась работёнка. Если денег не дадут, может, хоть до отвала накормят», – с надеждой вспыхнуло в мыслях.

«И в*ебут», – поглумился внутренний сексуальный маньяк.

– Эй, красотки, помощь нужна? – окликнул краль, а они все разом дёрнулись и покраснели, полоснув любопытными взглядами по моему габаритному телу, состоящему исключительно из тонны жилистых мышц.

Видать, никогда в жизни качков не видели, курочки. Вон как пунцовыми пятнышками покрылись и ресничками захлопали. Интересно, и где это все деревенские мужики нынче прохлаждаются? Да и вообще, есть ли они в этой глуши? Небось, только и делают, что бухают и насилуют хрупких малышек.

Твари, чтоб их разодрали!

– Нужна, нужна! – радостно взвизгнули хором.

– А ты кто таков? – отозвалась одна из девах. – Новенький? Не видали ранее в здешних краях...

– А я проездом. К сестренке заскочил, – принялся наваливать. – Деньги нужны. Подкинете работку?

Дамочки пошушукались друг с другом, а затем синхронно кивнули.

– А чё это не подкинем доброму молодцу-то! Мы только за! – гаркнула рыженькая панночка в косынке и с титьками наружу, что подпрыгивали в такт движениям в тесном вырезе хлопковой сорочки, обратившись к подружкам. – Что скажете, бабоньки?

– Да! Да! Канечно, подкинем! – закудахтали в унисон эти упитанные кочки.

Швы на ворованной одежке при малейшем движении неприятно кололи кожу и трещали в местах строчки. Надо бы раздобыть нечто посвободней. Писец как неудобно. И как в такой вот удавке землю пахать?

Махом сорвал с себя футболку, что сковывала мои движения не хуже смирительной рубахи, и практически остался в том, в чём мамка родила, точнее в спортивках, низко сидевших на бёдрах, и с голым торсом.

Интересно взглянуть на реакцию дам. Вряд ли они когда-либо видели такие кубики пресса, чтобы один к одному. Упругие, очерченные, твёрдые.

Я долго к этому стремился. С раннего детства гантельки тягал. Иногда даже ночевал в спортзалах. И жил лишь одной мечтой – стремлением к идеалу.

Да. В жизни бывают падения и взлёты. Но наши труды – это плоды нашей работы. Тем более я кайфовал до пара из ушей, когда на меня тёлки бросались как дикие кошки. Не буду себя нахваливать, но они даже дрались друг с другом за то, чтобы всего-навсего провести ночь с самим, мать его, Буйным.

Королём кровавого ринга.

* * *

Пропахал добрых полкилометра клятого поля от и до. Взамен срубил хоть и скромную, но какую-никакую премию. На пару дней затариться хавчиком, думаю, хватит.

Девчонки-селючки, развалившись на сеновале, пялились на меня, как на живое божество, особенно когда пахал я без майки. Бугристые бицепсы то напрягались, то на короткий миг расслаблялись во время рабочих движений. И пот по голому торсу струился ручьями, а татуха быка в области груди искушённо поблескивала на палящем солнце. Как масляная.

Закончив с работой, смахнув пот со лба и сексуально взъерошив пальцами волосы, я игриво улыбнулся девчонкам, сверкая своими идеально ровными и белыми зубами:

– Тёлочки, ну вы это... никому обо мне ни слова. Окей?

Бабёнки лукаво переглянулись друг с другом. Одна из них, самая тучная, в пышной светло-серой юбчонке длиной чуть ниже колен, оперев руки в бока, уверенно вышла из толпы мне навстречу.

– М-м-м, при одном условии... – шепнула в полтона, нарушив моё личное пространство своим наглым вторжением – положила пухленькую ручку мне на бицуху и встала на носочки, чтобы дотянуться до уха. Но мне все равно пришлось наклониться. Чувствовать себя гигантом – то ещё удовольствие! – Полижи наши персики, красавчик. И мы молчуни до гроба.

Она сжала пальцами мой твёрдый, как камень, бицепс, а у меня в горле пересохло и одновременно закололо между ног.

Фига себе запросы!

Ну ладно. Сам искал, кому бы втащить. Давно уже не было секса. И да! Я чертовски голоден! Поэтому выбрать сейчас, кого еб*ать, особо и не из кого.

Воздержание так-то не по мне. Я ведь мужик, как-никак. Крепкий, сильный, до жути голодный! Секс для меня – как кислород и корм для моего внутреннего быка. Через постель и через бой я избавляюсь от внутренней агрессии. Особенно это необходимо в момент, когда начинаешь курсить.

Всяких телок приходилось иметь. Но чтоб деревенских... Если честно, сейчас я бы даже трахнул козу в соседнем сарае. Воздержание уже конкретно выжигало дырень в члене. А на Алю позариться не рискнул. И так запугал малышку. Вряд ли она выдержит мой бешеный напор после долгих лет голодовки.

Девчушка, небось, целочка. Да у неё на лице все написано!

И не только там...

Я, когда на ее киску взглянул, сразу же понял. Маленькая такая, аккуратная, выбритая, в отличие от п*зд остальных деревенских баб, которых я драл, как овец на пастбище, в кладовке после изнурительной работенки в поле.

Именно поэтому придумал златовласке кликуху – Дюймовочка.

Отчего выбритая?

Может, она точно... того... шлюшка?

Иначе зачем о волосенках печётся? Есть, видать, повод.

А может, я брежу. И девочка просто любит за собой ухаживать.

* * *

Оттарабанив мясистых баб по полной, аж выдохся на износ.

Зато чуток отпустило. Перед сексом мы, кстати, все вчетвером на реку сгоняли охладиться. И после ещё раз, чтобы в чувство прийти.

Да, они не Милы Кунис, но есть за что подержаться.

Когда всаживал в анус, то представлял на месте жирных телок Кардашьян.

Тот ещё видончик сзади. А бабенки ничё такие. Раскрепощенные и нереально голодные. Походу, их село – самая, что ни на есть, женская община. И члену негде воткнуться. Как одичалые, ей-богу, набросились, чуть не передрались из-за меня, красавца, млять, писаного. Первого на дерЁвне!

В общем, славно так повеселился!

Теперь я знаю, в случае чего, куда за разрядкой гонять.

Не-е-е! Не в клуб элитных шлюх, а в «Дятловку». Там такое тёлки вытворяют, что не горюй. Разнообразие, чёрт подери. На свежем воздухе, на мягком сеновале. Ништяк, одним словом. И, кстати, сосут как ошалелые. Опять же, с голодухи, видать, заглатывают по самые яички.

По очереди член полировали. Так усердно, что до ссадин затерли.

Дикарки, блин.

Я тогда своего «мальца» по кругу пустил. Каждой по очереди в рот всаживал.

И три раза кончил. Офигеть можно!

Каждой в рот. Блондинке, брюнетке и рыжухе.

А потом, как договаривались, киски полизал. Все три.

До самого оргазма языком работал. Пока не удовлетворил каждую шалавку. Так старался, что язык, думал, отвалится. Они стонали и извивались, словно одержимые дьяволом, а затем кончили мне на лицо.

После группового веселья мы лежали в обнимку и курили дерьмовые самокрутки. Наверное, в тот день я чувствовал себя реальным шлюхом.

Но что поделаться, коль жить нормально хочется?!

За решеткой никогда не позволял мешать себя с дерьмом. Гомосетины там полным-полно. Сразу кулаком в рыло, чтобы харя больше не курила!

Ушлепки знали, кто я такой. Поэтому уважали. Кроме надзирателей. Те не упускали шанса избить дубинками или кожаными ботинками по печени. За один только взгляд, который попросту мог не понравиться, вжаривали до темноты перед глазами. Но как бы выродки ни изощрялись, я всё равно сохранил свою гордость и ни разу не встал перед ними на колени. Добровольно.

Поэтому они нарочно вывели меня на негатив. Однажды они списали на меня «общенародный» бунт, мол, это я организовал в столовой кровавое месиво, после которого погибло шесть заключенных. Эти убийства списали на меня, благодаря чему мне приплюсовали к сроку ещё десяток лет и на год заперли в полном одиночестве в карцере.

Не знаю, каким чудом я выжил и не сошёл с ума. Мне просто хотелось жить. Хотелось воплотить в реальность свои мечты. Например, отправиться в кругосветку. Стать чемпионом боёв мирового уровня и почётным членом «UFC».

А ещё я хотел доказать всем тем тварям, что гатили меня шокерами до недельной комы и ломали кости до переломов, что я не дерьмо, а ходячая мощь. И я никогда не сдамся. Не упаду перед нелюдями на колени. И очень скоро вырвусь на свободу.

Так и случилось.

Через полгода я удрал.

А до этого каждый божий день, каждый прожитый час я молился, чтобы мой план с успехом воплотился в реальность. И жил по принципу: то, о чём ты думаешь, обязательно исполнится. Главное – верить. Не опускать руки. Прорываться! Идти только вперёд! И никогда, никогда не сдаваться.

За профессиональный куни девчонки на радостях мне ещё денег подкинули и рассказали, как дойти до местного магазина со шмотками и жратвой. А за молчание, чтобы наверняка закрепить слово, так сказать, двойной порцией экстаза, пришлось ещё раз повторно вылизать их дырки.

Ну писе-е-ец, какие же они все-таки голодные!

Унизительно, конечно, но сейчас я не в том положении, чтобы думать о чести.

Я сейчас никто и звать меня дерьмо.

* * *

Вернулся в избёнку, а она на кровати лежит, вся скукожилась, подобралась, свернувшись в комочек. По щекам, словно сами по себе, слёзы катятся.

Пиздец, мля!

Про девчонку-то я забыл. Ну, что приковал к кровати, как изверг какой.

Жалко её вдруг стало. До тошноты. И самому себе по ушам вмазать захотелось, полечить, так сказать, склероз.

– Ну здравствуй, детка, – медленно двигаюсь в сторону кровати. Осторожно. Чтобы не напугать ещё пуще. – Отошла уже? Не будешь больше буяннить?

Лежит молча. Глазками хлопает. Да бровки хмурит. Кусок пастыря, что я ей налепил на рот, на щеке болтается. Вот ведь! Содрать умудрилась. Надеюсь, не сильно вопила, паршивка, чтоб её.

Прищурилась. Взглядом по мне заскользила. То вверх, то вниз. Внимательно изучала. И внешность мою оценивала. Исходя из того, что зрачки в её глазах расширились, как у кошки, практически до максимума, ей, кажись, пришлась по вкусу моя мордаха. А тело – особенно. Вряд ли эта тихоня когда-либо нечто подобное в жизни видала.

– Слушай, красавица, дело есть, – сжав кулаки до рези в суставах, я к ней в спешке направился.

Шаг вперед – и до цели осталось полметра. Она вдруг как запищит от страха, у меня голова от рези в ушах закружилась.

– Только не б-бей, не б-бей, не бей... – твердила как молитву одними губами и рыдала, сжимая кулачки, поджав под себя ноги, крепко-крепко зажмурил глаза.

Глянул вниз и нахмурился. Ноги Алевтины были сплошь исполосованы жуткими ссадинами, синяками и порезами. Не все они были свежими. Присмотревшись, я чётко выделил на нежной коже малышки уродливые рубцы. Явно ведь – старые.

Ну твою ж мать!!!

Ну и кто же тебе жизни не дает, девочка?!

Почему ты выглядишь как сплошной ходячий синяк?!

– Ш-ш-ш, – опустил перед ней на корточки. Жесть как хочу прикоснуться, приласкать, прижать к груди и стиснуть в адских объятиях. Но боюсь напугать. – Не буду я. И пальцем не трону. Если сделаешь всё так, как скажу.

Поднял руки высоко над головой, мол, жестом сказал: «Я сдаюсь. Я безоружен». Она немного расслабилась. Дрожь постепенно сошла на нет.

В голове вдруг зарделась интересная идея. А что, если попробовать подружиться с бедняжкой? Так сказать, пожить какое-то время вместе на взаимно выгодных условиях.

– Давай заключим сделку? Я не как они... эти... Ну, те утырки недоделанные. Не маньяк и не насильник, – а про себя подумал: «Я ещё хуже, детка. Зек сбежавший. Но тебе об этом знать необязательно». – Я поживу у тебя пару недель, домишку подлатаю, обидчикам накостыляю, если хошь. А ты взамен – молчок. Знать меня не знаешь, о моем прошлом не заикаешься и о личном тем более не спрашиваешь. Зови меня просто... – запнулся. – Да никак не зови. Никто я. Вот и всё, – выдохнул, хрустнув пальцами. По привычке. Всегда так

делал, когда нервничал. – Как тебе идея? По рукам?

Девчушка робко кивнула. Плечики расслабила. Ножки вдоль кровати вытянула. Успокоилась, наконец. Слёзки лить перестала. Глазенками своими огромными поглядела да ресничками похлопала. Пушистыми. Каждый их взмах, словно полёт крыльев мотылька.

Развязал ей руки. Пластырь со щеки сорвал. Ладонями энергично растер покрасневшие запястья. Моё прикосновение... Кожа к коже. Словно удар током! И девчонка резко дёрнулась. Оттолкнула меня от себя, шарахнулась как от огня, отползла на противоположную сторону кровати. Ноги под себя поджала. Раскачивалась из одного бока в другой, стучала зубами. А из глаз снова хлынули проклятые слёзы.

Да что ж такое, едрит-мадрид!!! Сказал ведь, что не трону! Чего реветь?!

Она ведь мне душу своими всхлипами разрывает! Это невыносимо!

Почему? Почему сердце так ошалело в груди грохотало? Почему душа вместе с ней рыдала? Она ведь никто мне. По сути – кусок разделочного мяса. Я её пришить хотел. Избавиться от свидетеля. Но вместо кровавой расплаты... запал, походу.

Наверное, потому, что хрупкая она и беззащитная. Такую охота всю жизнь на руках носить и оберегать от любого ненастья. Ощущение в груди такое, будто внутри меня проснулся некий супермощный инстинкт, который дал мне почувствовать себя настоящим мужчиной. Не зря же мышцы всю жизнь растил да кулаками махал. И для чего? А для того, чтобы вершить справедливость.

Ну да! Когда банки чистил и ювелирки, почему-то об этом не думал. Но рано или поздно те люди, у которых есть хоть крупица души, осознают свои грешки. Вот и я осознал. Для этого всего лишь нужно было... отсидеть годок-другой. Но я почти пять исповедовался. Собственной кровью. Во время поучительных сеансов «мордотерапии».

– Эй, Дюймовочка, слышь, не реви. Ну не трону, ну правда! Хотел бы, уже давно... того. Млять!

Наша с ней ситуация уже конкретно начала меня подбешивать. Даже ноздри по привычке стали раздуваться.

Выдохни, Макс. Остынь, чувак. Только хуже делаешь, когда кулаками хрустишь и голос повышаешь.

- Ладно, ещё раз прости за то, что напугал.

Глазенки Али внезапно заблестели. Но уже не от слез, а от радости какой-то, что ли.

- Ты говорить можешь? Не немая хоть? - сидел всё так же на корточках, ну вылитая бетонная статуя. Не дышал. Очковал от любого шороха. Неженка такая. Один мой выдох - и у неё инфаркт. - Ну что мне сделать, чтобы ты перестала хныкать?

Смахнула ладошкой влагу на висках. Жмякнула плечами. Подбородок по-прежнему подрагивал.

- Аля!

Я не выдержал, чуть ли не с рыком закричал. В ответ девушка распахнула свои бездонные омуты ещё шире. Стоило ей только услышать собственное имя из моих уст, она взбодрилась.

Хватит. Пора заканчивать унижаться. Тему разговора, что ль, поменять?

Не успел я об этом подумать, как наш диалог (если его можно было так назвать, скорее - монолог) прервался жалобным рёвом моего изголодавшегося брюха.

- Слушай, а ты голодная?

Она неуверенно кивнула, с силой сжав маленькими пальчиками края халата.

- На вот, - шмякнул на кровать пакет с продуктами, а сам горделиво улыбнулся. - Можешь чё-нибудь пожрать состряпать? Иначе я сдохну от голода!

Вот и все. Страх в её больших и таких красивых глазищах окончательно сошел на нет.

С некой робостью она заглянула в пакет, доверху набитый жратвой, что я купил в сельском магазине на деньги, которые заработал утром в поле, а затем кивнула в сторону кухни. Встала с постели и, пошатываясь, голыми пятками пошлёпала к умывальнику, а мне взглядом приказала, дабы тащил покупки на кухню.

Отлично. Прогресс пошёл. Наши взаимоотношения таки сдвинулись с мёртвой точки. Думаю, мы подружимся.

Глава 4

Уже битый час я наблюдал, как Алевтина хозяйничала на кухне. Как она, перед тем как начать готовку, бережно расплела свои косы, что в распущенном виде практически доставали ей до самой талии. Провела по золотисто-пшеничным прядям расчёской. Снова заплела локоны в толстый массивный колос. На голову повязала косынку. Халатик спрятала под передником в крупный горох. И, в конце концов, приступила к готовке, в то время как я, устроившись за столом на расшатанной табуретке, ни на секунду не смог оторвать от неё глаз. Чудом залип. Словно провалился в какой-то транс, где привычная реальность потеряла всякий смысл, где все мои проблемы растворились в пустоте. Будто их не было никогда прежде. Будто я не иначе как мираж, а не сбежавший из застенка ублюдок.

И пусть весь мир подождёт.

И плевать, что у меня уже, скорей всего, образовалась дырень в брюхе из-за голодухи. Очень нравилось вот так вот сидеть, подперев подбородок рукой и наблюдать за суетящейся Дюймовочкой. Ловкая, но в то же время до трясучки в худеньких коленках робкая. Носилась по дому то туда, то сюда. Заботливая хозяйюшка. В этот миг я впервые задумался о том, чтобы плюнуть на всё и окольцеваться. Официально. С ней или не с ней... Как судьба скажет. До сегодняшнего дня даже мысли такой не смел допустить – жениться. Потому что люблю грёбаный риск и разнообразие в плане постельных отношений. Одни и те

же девки быстро надоедали. Я всегда искал чего-то свеженького, новенького. До того момента, походу, пока не встретил ЕЁ. Ту самую единственную.

Да! Сам в шоке от подобных безумных мыслей. Но, видать, пришла пора. Мне ведь уже за тридцатник перевалило. Ни детей, ни жены, ни семьи. Ни собственного дома.

Мечты, мечты, мечты!

Вот теперь уже, если честно, не знал, что со мной будет дальше. В любой момент я запросто мог получить пулю в лобешник. В лучшем случае. А в худшем – снова вернусь на нары. Поэтому и переживал, что ничего у нас с Алей не выйдет. Лучше заранее себя настроить, что я в её жизни появился временно, и не вешать на плечи девушки лишние неприятности.

Порядок в деревне наведу. Перекантуюсь маленько – и можно в путь.

Я ведь переживал, что из-за меня на её аппетитную попку могут свалиться еще большие неприятности. Очень рискую! Но, надеюсь, Алевтина меня не сдаст погоням.

* * *

Вот и ужин готов. В меню у нас гречневая каша с потрохами, овощной салат, блинчики. Мать вашу-у-у-у! Да я такой вкуснотищи в жизни не лопал!

Как прокажённый зверь, я набросился на лакомство, утопал всё до крошинки. Аж за ушами трещало. Вместе с тарелкой бы съел!

Девчонка мне еду на стол поставила, а сама, как от чумы, в угол кухни шарахнулась.

– Эй, ну опять ты начинаешь?! Ну не кусаюсь я. Честное слово, – промямлил с полным ртом, запивая гречу домашним компотом. – Какая вкуснотища! Блин! Я такой идеальной стряпни в жизни не пробовал! Клянусь!

Тарелка с кашей была опустошена меньше чем за минуту, а девчушка вдруг покраснела да посмелела.

То-то же. Да я сущий Бог, ёпте, в отношениях!

Девушками нужно восхищаться. И не только баблом осыпать. Но и смазливой болтовнёй в первую очередь.

– Садись рядом, чего ты как не родная? Давай ближе познакомимся. Просто поболтаем. Я своё слово держу. Если хоть пальцем трону... разрешаю взять вон эти грабли, – кивнул в сторону прихожей, – и засунуть мне их в одно место. Поглубже и пожёстче.

Заулыбалась.

Ну хвала небесам!

А улыбка у неё. Боже! Как у ангела. Красивая. Белоснежная.

Да за такую моську можно весь мир на колени поставить.

Шлепнул ладошкой по свободной табуретке, что стояла напротив стола, приглашая к застолью:

– Сварганила столько всего, а сама не ешь. Кожа да кости. Ну ничего, мы сделаем из тебя настоящую секси.

И снова Дюймовочка покрылась пунцовыми пятнами.

Постояв в углу еще несколько секунд, переминаясь с ноги на ногу, красотка всё же подошла ко мне. С некой опаской в поведении присела на краешек табуретки.

– Спасибо! Наелся как слон! – погладил себя по брюху. – Уже и забыл, какая на вкус домашняя еда. У нас ведь на зо...

Ёпрст!

А ну заткнись, Макс!

Чуть не проболтался.

Аля дернула бровями – выразила лёгкое удивление. Мне пришлось быстро сменить тему разговора.

Правильно, я – никто. Пусть так и зовет.

– Короче, я тут проездом. Болтать о себе не люблю. Скучно живу, – цокнул языком и стукнул по столу стеклом. Златовласка от удивления приоткрыла рот, когда увидела на столешнице бутылочку пива. – За знакомство, что ли? Прости, что пиво. На шампусик денег не хватило.

Обожаю наблюдать за тем, как Алевтина смущается. Как она скромно опускает глазки в пол, перебирает пальцами поясok халата.

– Я... не пью.

Э-э, нет, крошка. Я же сказал, что будем тебя лечить. Скванность эту твою, которая подбешивает меня до белого каления. Ничто так здорово не расслабляет, как стакан-другой алкоголя.

– И я очень редко. Но отказываться нехорошо. Я за эту склянку до темноты в глазах полкилометра поля вспахал.

Малышка зыркнула на меня как на героя.

Во-о-от! Как же это охрененно приятно: видеть в её мимике удивление, а еще лучше восхищение вместо страха.

– Ну, за встречу, – чпокнул горлышком бутылки о стол, себе налил пенного и ей немного. Надеюсь, не траванёмся этой свиной мочой. Дешевая, сцуко, но я и этому рад. Сто лет пива не пил. Забыл, какое оно на вкус. Хотя, если честно, алкоголь я употреблял крайне редко. На праздники. Ибо я – ярый пропагандист

здорового образа жизни.

Не думал, что она выпьет. Даже после моих слов. Но девчушка таки выпила.

Чокнулась со мной стаканом, наградила смущённой ухмылкой, сделала пару глотков, поморщилась.

– И как вы только это пьёте?

Ух, ты!

А вот и голосок прорезался.

Звонкий такой, мелодичный. Аж мурашки по спине побежали.

Голова приятно закружилась, а веки слегка увлажнились слезой.

– Приходится. Ты закусывай давай, закусывай. Я проконтролирую. Завтра ещё денег заработаю. Может, получится купить говядины, а не мясных обрезков в виде куриных анусов, – гоготнул. – Я плов хочу или лагман. Умеешь готовить?

– Умею. Да я много чего умею.

Сделала ещё пару глотков, закусила корочкой чёрного хлеба, потом уже приступила к еде.

Худышка, чёрт побери. Еле-еле вилку в руках держит. С таким усердием, будто сейчас надорвется.

Ну ничего! Я лично займусь твоим питанием. А потом ещё и треню организую.

Сделаем из тебя фитоняшку. Хоть в модели шуруй! С такими-то яркими внешними данными. О, да-а-а-а!

Только не думать о её попке!

Не думать.

Не думать.

Не думать!

Поздно.

В паху уже вовсю орудует нещадная буря. И так штаны жмут, но сейчас ещё хуже, притом что я неплохо так утром парок выпустил. Надеюсь, на пару деньков напроць забуду о сексе. Да куда там! Когда рядом постоянно ошивается ОНА. Миниатюрная, вкусная неженка.

Готово!

Девочка поплыла. Расслабилась. Стала меньше зажиматься. И оставила в покое тот дурацкий поясок от халата. Тогда я решил, что пора узнать кое-какие подробности её жизни.

- Ну, Аль, расскажи о себе. Ты ведь Аля, если я не ошибаюсь?

- Алевтина, - икнула. - А у тебя не б-будет ещё одной бутылочки?

Ты смотри какая!

Вот тебе и скромница!

Даже боюсь представить, как она будет кричать, когда я разложу её на столе и буду иметь во все её красивые дырочки по очереди.

Главное - попробовать. Главное - не бояться экспериментировать.

Нужно жить на полную катушку. Жизнь одна. Вот будет обидно, когда она вдруг закончится, а ты так и не сделаешь то, чего банально боялся, но хотел.

Я же ей нравлюсь. Да по глазам видно! А по щекам – особенно. Когда я отворачивался, то видел боковым зрением, как она на меня пялилась. Как слюнки в уме пускала. Ну конечно! Разве скромняша видела когда-нибудь в своей дерёвне вот такое совершенное, богатырское тело?

Спрятал руки под столом и втихаря чухнул изрядно припухшую ширинку.

Да уж! Чувствую, придётся на ночь глядя бежать в лес и наяривать в кустах, чтобы нормально поспать хоть раз за пятёру лет, чтобы ничто такое огромное и нереально твёрдое не упиралось в матрас, вызывая кошмарный дискомфорт. Лишь бы комары не покусали за главное мужское место. Ах-ха-ха!

– Нет. Хватит тебе, солнце, для первого раза. Иначе завтра утром узнаешь, что такое похмелье.

– А что это?

– Это очень и очень дерьмовая штука, – хохотнул. – Ты лучше мне вот что скажи, ты одна здесь живёшь?

Лёгкая улыбка мигом исчезла с губ девушки. Будто её там и не было секундой ранее. Однако вопреки внутренним душевным барьерам она не отказалась от беседы. И мы продолжили диалог, хоть я и видел по её телесным проявлениям, что разговоры о личной жизни для Али были весьма болезненны.

– С дедом живу. Только он сейчас... в больнице. А у меня даже нет средств, чтобы его навестить и оплатить лекарства.

– Что с ним случилось? – спросил твёрдым голосом, весь подобрался и напрягся.

– Врачи говорят, что-то с сердцем, – тихонько всхлипнула, сгорбившись. – Уже второй случай за год.

– Ясно. А родители как же?

– Отца никогда не видела. А мать умерла во время родов.

– Мне очень жаль, малышка, – искренне сказал, хотел её за руку взять, но побоялся.

Чёрт!

– Да всё нормально. Это было двадцать два года назад. Дедушку жаль. Он у меня один остался. Единственный родной и близкий человек на этом свете. Надеюсь, всё обойдётся.

– Конечно, всё будет хорошо. Главное – верить в лучшее.

– Спасибо. Тебе, – повернула голову в мою сторону. Боги! Сколько же нежности в этом грустном взгляде. – За поддержку.

– Да фигня, – тоже смутился, почесав затылок. – Если тебе станет легче, то мои предки вообще меня сдали в детдом. Якобы из-за того, что не могли со мной справиться. Батя меня пизд*л чуть ли не каждый день. А мать бухала. А потом скончалась от рака желудка. Даже несмотря на их скотское отношение к родному ребёнку, я до последнего вздоха пытался раздобыть денег на лечение матери.

Зачем я лью на Алю своё дерьмо? Из-за пива, наверное. Давно не пил, стал, видать, пятикапленным хлюпиком.

– Ужасно. И я тебе сочувствую, – внезапно девчонка вздрогнула и под села ближе ко мне, не отрывая взволнованного взгляда.

У меня пересохло во рту, когда я невольно уставился на припухшие ссадины на бархатистой коже златовласки.

– Дай посмотрю... – протянул руку к её личику. Девушка дернулась. Попятилась назад. В серо-зеленых радужках полыхнул уже знакомый грёбаный испуг. Да-а-а, зашугали её, видать, знатно, те долбанутики. Уроды! Вот теперь несколько не жалею, что в болте притопил тварей. Очистил, так сказать, землю от говна. – Не бойся. Просто покажи мне свои раны. Доверься мне, девочка. Пожалуйста.

Она закрыла глаза. Вздохнула.

Медленно поднес руку к её кукольному личику. Первое прикосновение шершавыми подушечками пальцев... И увидел, как по рукам девушки бегут волны мурашек.

Да, моя сладкая! Какая же ты... удивительная и чувствительная.

Аля больше не шарахалась от меня, как от бешеного пса. Такое ощущение, что она сама начала лхнуть к моим рукам, будто особо остро в них нуждалась.

А вот это правильно, малышка. Очень хороший знак!

– Не больно? – медленно погладил левую скулу и двинулся по направлению к виску, обследую припухшую переносицу. В тот момент, касаясь маленького курносого носика, я рефлекторно сжимал челюсти. От злости.

Не мог больше видеть эти уродливые побои на ангельском личике крошки.

Хотелось рвать и метать! Хотелось на хрен порешать всех недоробков в этой дерьмовой глуши.

– Нет, – ответила одними губами. Кончиком языка облизала нижнюю губку.

Чёёёрт!

Это нереально заводит! Провоцирует! Превращает в невменяемого психа!

Как же хочется впиться ей в затылок пальцами, рвануть на себя и попробовать эти пухленькие, бледно-розовые зефирки на вкус.

Зверь в трусах дёрнулся, налился кровью, стал твёрже алмаза.

В этот момент девочка невольно покосилась на мой пах, что буквально на глазах утроился в размере, причиняя моим ногам адский дискомфорт.

– Мне н-надо... Надо идти. Там коровы... В общем, их... подоить.

Прежде чем я успел что-либо вякнуть в ответ, она вскочила со стула, со звоном опрокинула табуретку на пол и со скоростью летящей стрелы удрала вон из дома.

Грохнул кулаком по столу, матерясь одними губами.

Да что с тобой не так, девочка?!

Ты какая-то неправильная.

* * *

Дал ей немного времени побыть в одиночестве. А сам пока намывал посуду и занимался уборкой. Девочка вернулась в дом примерно через час.

Решил высказать ей прямо в лоб всё, что думал об этой её «прогулке» впотьмах.

– Почему так долго? – чуть ли не набросился с порога и не сбил паршивку с ног. – Ты где была? Время видела? Я уже собирался идти тебя искать.

Как обычно малышка шарахнулась от меня на добрых три метра. Но уже не так тряслась, как вчерашним вечером.

– Да я... это... ну, корову кормила. И кур, – смутилась, прижалась спиной к стене, глядя на меня таким несчастным взглядом, как голодный и брошенный на произвол судьбы котёнок.

– А если бы снова кто-то напал? А? Почему с собой не позвала?

– Со мной бы Пирожок. Он бы лай поднял, – оправдывалась, будто маленький ребёнок. И покраснела. Боже! Как же я обожаю эту её застенчивость. А розовые щёчки делают Алю ещё более привлекательной. И желанной. До рези в мошонке, бес тебя задери.

– Кто был? Пирожок? Что за?

– Ну пес мой. Ретривер.

– А-а-а, тьху ты! Ну успокоила, блин. Где же этот твой защитник был, когда тебя... – запнулся, прочистил горло. – Эти...

Хватит, придурок!

Не дави на больное, иначе снова слезами хату топить будет.

– Ладно, забей. Я спать очень хочу. Покажешь, где у тебя тут можно завалиться? – потянулся, зевнул, слегка размял затёкшую спину и энергично махнул руками. – Не очень бы хотелось снова храпеть на полу. Кости болят.

Это был как бы намёк на то, что можно устроиться вдвоём. На одной лежанке. Ух, я бы отогрел крошку, на случай, если бы она снова замёрзла. Так бы отжарил, что в поту бы у меня вся под утро проснулась.

– Угу, – всхлипнула. – Идём покажу. И простыни чистые постелю.

– Кстати, если у тебя вдруг не найдется лишней койки или одеяла, мы можем... и вдвоём на одной. В тесноте, как говорится, да не в обиде, – улыбнулся до самых ушей, довольный своим больным остроумием, как чеширский кот. – Мало ли, знаешь, твой дедушка расстроится, или хуже, разозлится, если вдруг какой-то здоровый незнакомый лоб приляжет на его постельке.

Отличная попытка, мужик. Но безнадежная.

Она сделала вид, что не услышала. Лишь ссутулилась, как бы защищаясь от мира сего, обняла себя руками и зашагала в сторону соседней комнаты, а я за ней след в след пошёл.

Господи! Какая же она крошечка. Мне кажется, если я её обниму – тут же раздавлю. Да она практически мне в пупок дышит. От этого сравнения я почувствовал себя, мать его, Зевсом. И от этого чувства мне стало чертовски приятно за себя. За то, каких высот в плане работы над собой, над своим телом я добился.

Глава 5

Ночь пролетела на одном выдохе. Жаль только, что спали мы по разным койкам, отгородившись друг от друга непробиваемой стеной.

Ничего. Прорвёмся. Это дело поправимое. Время всё организует. Спасибо, хоть в контакт со мной вступила. Вроде бы как начала доверять. Еду приготовила, спать положила. Не бросалась больше с тесаком, как ошалелая. Да и дрожать перестала при каждом моём взгляде, что невероятно радует. Дела наши налаживаются. И это гуд! Я не нарадуюсь. Впервые столкнулся с таким вот тяжёлым случаем, когда девка шугается от меня, как от демона какого клыкастого и когтистого. Впервые в жизни приходилось за кем-то ухлёстывать. Признаюсь, это в некой степени вкусно, хоть и злит порой до нервного тика, что я трахаться хочу, а не могу. Ибо кое-кто боится, что ли.

Возможно, Алевтина целочка. А ко мне такое шуганое отношение, потому что я в хату тайком вломился, из той гопоты отбивные сделал прямо на её глазах и, соответственно, напугал. Плюс ко всему, целочки такие, мать их, чувствительные. Тут нужен особый, романтический подход.

По-любому Аля станет моей! По-любому я её оприходую. С другой стороны, это даже охрененно, что она ещё девочка. Моей будет. Первой. А я – её первым мужчиной. И я до жути счастлив, что успел надрать жопы мудакам, прежде чем они бы пустили девочку по кругу и сделали бы малышке очень и очень больно.

Бляяя! Как же меня это бесит и злит. Так, кончай, бык! Не думай о том дне. Только хуже делаешь себе и окружающим. Такими темпами в знак мести под замес пойдут все уроды на деревне. И тогда... тебя влёгкую сцапают погоны.

* * *

Утром я проснулся от едва уловимого шороха. Всегда дрыхну очень чутко. Напрягся, сжав кулаки, готовясь в любой момент защищаться от внезапной опасности. Но, как оказалось, это была всего лишь Аля. Она тихонько прокралась в прихожую, отворила входную дверь и выскользнула на улицу с полотенцем на

плече.

Любопытно!

Наспех прыгнув в штаны, я бросился за тихоней следом. Какое-то нехорошее предчувствие жгло изнутри грудную клетку. Мне показалось, будто дрянная девчонка решила сдать меня местным полицаям. Вот и смылась с рассветом пока я «бай-бай». Злость закипела в венах. Я ж с ней по-доброму! Жизнь сохранил! А мог бы и одним мизинчиком шейку того, напололам.

Вылетел следом за девкой. Ныкаясь по кустам, решил проследить, куда это она намылилась. Да не одна причём, а с некой псиной блохастой – пушистым и клыкастым ретривером.

Вот ты, значит, какой, Пирожок. Ага! Страшный зверь. Я чуть было не обмочился от страха. Такой до смерти залижет. Ах-ха! И пикнуть не успеешь.

Пес, виляя хвостом, преданно бежал за своей хозяйшкой. Однако, к моему удивлению, двигались они не в сторону центра деревни, а из нее. В сторону леса точнее. Пока оба не скрылись в густой берёзовой роще.

Юркнув в кусты, я направился следом за «сладкой парочкой», а затем вдруг сам превратился в одну из берёз. От шока и одновременно от восторга.

В тонкой сорочке Аля стояла по колени в воде. Рядом с ней резвился тот самый Пирожок. Она улыбалась, точнее смеялась, и, зачёрпывая кристально-чистую водицу ладошками, игриво брызгала на собаку.

Хлопковая одежда за пару секунд насквозь промокла. Сфокусировав зрение, я хрипло охнул, потому что понял, что под ночнушкой у малышки нет ни единого намёка на бельё. Абсолютно голенькая. Молоденькая. Красивая девочка купалась передо мной нагишом и зазывно смеялась. Пес носился рядом с ней как угорелый. Тоже, видать, полюбляет водицу.

Стройная, но тощая фигурка Дюймовочки аппетитно прорисовывалась под мокрой тканью рубахи. Особенно эти вкусные, искусенно торчащие сосочки двух упругих пирамидок, что так исступлённо манили меня взять их в рот.

Пососать. Поласкать. Покусать. Втянуть поглубже губами. Подразнить язычком. И довести её своими оральными ласками до крышесносного оргазма.

Вот это зрелище! Держите меня армией!

А я, бл*ть, тоже поплавать хочу!

Почему она меня с собой не позвала? А псину эту облезлую – так в первую очередь! Не заслужил, чё ли? Шкурой своей рисковал и кулаки до кости счесал, пока выроdkов за её жуткие побои наказывал!

Сорвал с себя толстовку, майку, штаны и с разбегу из кустов вылетел. Прямо в кристально-чистую реку. Дельфинчиком. Головой вперед. Готовясь к прыжку.

Алечка взвизгнула. Ручонками рот свой закрыла и присела по шею в воду.

– Утро доброе, красавица! Ну, и как водичка? – рассмеялся.

Под её тихий вопль и гласный лай блохастого я резво нырнул с головой в реку, так лихо, что брызги полетели на три метра вперед. Пользуясь моментом, девочка пулей выскочила из воды. Пес – за ней. А я – за псом.

Набросив на себя полотенце, Алевтина ускорила бег.

– Да стой ты!

– Пирожок! – с дрожью в голосе. – Задержи! Но не трогай. Он... – чуть тише, – наш друг.

Псина, казалось бы, понимал хозяйку даже без слов.

Здоровый гад. Бросился в мою сторону, поднял такой голосистый вой, что рыба на берег повыскакивала и утки к небу из камышей взметнулись.

Лаял, скалился. Пёс, чтоб тебя, побери.

Холка дыбом, в глазах искры. Но вот хвост, как ни странно, вилял.

– Да бес с тобой, пусть убегает. Не трону я её, ясно! – рыкнул в ответ на животину, а сам снова в воду плюхнулся.

Пофиг. Поплаваю ещё пару минут. Слишком уж много шума от этой парочки.

Эх, Аля, Аля!

До инфаркта ты меня доведёшь, девочка.

И до разрыва яиц воздержанием.

Хочу её. Сил никаких нет.

А она вот... Странная такая. Пугливая до седины на висках.

Ещё ни разу не встречал на своём пути таких вот зажатых бабенок. Любая другая дура до момента ареста сама на мой член прыгала, умоляя чуть ли не на коленях, чтобы я её на своём хую повертел, да в попу по самое «мне больно» вставил.

А здесь, выходит, особый случай.

Ну ничего. Будем лечить.

* * *

Вернулся с озера. Она как раз в это время во дворе хозяйничала. Меня увидела, нижнюю губёнку прикусила и кулачки сжала.

– Ладно тебе, пошутил я, – хихикнул, перепрыгивая через забор. – Ну чего сбежала? Прости, если напугал. Похмелье, чтоб его, во всём виновато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/star_dana/buyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)